

УДК 008.001

СЕМЬ ФРАГМЕНТОВ О ГУМАНИТАРНОЙ ГЕОГРАФИИ, ПУТЕШЕСТВИЯХ И КРАЕВЕДЕНИИ

М. Ю. Немцев

Московская высшая школа социально-экономических наук, Москва, Россия,
nemtsev.m@gmail.com

Это эссе представляет собой рассуждение о роли путешествий в гуманитарно-географических исследованиях, а также опыт понимания методологического подхода географа В. Л. Каганского. «Путешествие» рассматривается как особый метод исследования, специфичный для гуманитарной географии. Особенности такого путешествия является исследовательское внимание к повседневности, облегчаемое самим пространственным перемещением, и работа с текстами, осознанная текстуализация культурного ландшафта. Гуманитарное географическое путешествие противопоставляется «туризму». В заключение рассматривается краеведение как особая познавательная деятельность. Она также предполагает теоретически нагруженные путешествия и поэтому родственна гуманитарному краеведению как исследовательской практике.

Ключевые слова: гуманитарная география, краеведение, культурный ландшафт, познавательное путешествие, путешествие, путешественник, теория краеведения.

SEVEN FRAGMENTS ABOUT HUMANITARIAN GEOGRAPHY, TRAVELING AND KRAEVEDENIE (AN ESSAY)

M. Yu. Nemtsev

Moscow School for Social and Economic Sciences, Moscow, Russia, nemtsev.m@gmail.com

In this essay I discuss “traveling” as a particular research practice unavoidable in studies in humanitarian geography. I follow methodological approach of Russian geographer and traveler Vladimir Kagansky. Taken as a research method, “traveling” gives a possibility to inquiry everyday life of people living in a certain landscape and transforming it by their everyday activity (or, borrowing a special philosophical term from Russian language, we would better call it *deyatelnost'*). This humanized landscape is defined as ‘cultural landscape’ in which human mind is embedded in form of traces and remnants of these activities. It is the task of a traveler to reconstruct the state of their minds while physically traveling through the ‘cultural landscape’. This manner of traveling is juxtaposed to ‘tourism’, be it leisure or sport activity, but is technically similar to travels being made by those who study their region (I use the special Russian word ‘kraevedenie’ to indicate these syncretic study). As specific features of a travel, I identify (1) exploratory attention to everyday life, facilitated by the spatial movement itself, and (2) hermeneutical approach to the landscape that has similarities with reading texts. Yet, the conscious textualization of the cultural landscape does not make traveling a sort of ‘reading’, for landscape cannot be fully perceived as a ‘text’. Humanitarian geography is also briefly compared to critical geography as it is known in the English-speaking academia.

Key words: human geography, travel, traveler, regional studies, kraevedenie, cultural landscape, mythopoetics, theory of regional studies.

© Немцев М. Ю., 2021

Ссылка для цитирования: Немцев М. Ю. Семь фрагментов о гуманитарной географии, путешествиях и краеведении // *Labyrinth: теории и практики культуры*. 2021. № 1. С. 89—97.

Citation Link: Nemtsev, M. Yu. (2021) Sem' fragmentov o gumanitarnoj geografii, putesthestviyah i kraevedenii [Seven fragments about humanitarian geography, traveling and kraevedenie], *Labyrinth: Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and practices of culture], no. 1, pp. 89—97.

Это эссе было написано в рамках одного образовательного проекта с целью представить гуманитарную географию как исследовательскую практику, чьим важнейшим методом является *путешествие*. Оно было написано в соотнесении со взглядами российского гуманитарного географа Владимира Леопольдовича Каганского. Думаю, что у многих читателей есть опыт путешествий в том смысле, в каком они здесь обсуждаются. Это эссе представляет собой собрание заметок, фрагментов, кратких рассуждений по теме: о чём стоит говорить, говоря о «гуманитар-гуманитарной географии».

1. Предмет

Существует несколько наук, в название которых входит слово «география», при единстве объекта они различны по предметам и методам. Гуманитарной географии интересно *повседневное взаимодействие людей и населённой ими земной поверхности*. В отличие от физической и экономической географии, гуманитарная география опирается на методы гуманитарных наук (см. ниже про «герменевтику ландшафта»). Она исследует сознание и мышление людей, действующих в конкретном географическом пространстве. «Повседневность» подразумевает массовость, рутинность, привычность, незаметность. Всё это существенные аспекты интересующей гуманитарного географа действительности. Повседневная жизнь кажется обычной, а вот приезжий может заметить нечто особенное.

Скажем, приезжая в недавно возникший недалеко от Москвы загородный посёлок, нетрудно обратить внимание на одну его особенность. Между большими усадьбами с хорошими двух-трёхэтажными домами, окружёнными высокими заборами, проходят узкие проезды, где с трудом могут разминуться два автомобиля. Заборы придвинуты вплотную к накатанным в грунте колеям, почти не оставляя места для пешеходов. В «старой» деревне через дорогу от этого нового посёлка вы видите широкие улицы, с натоптанными вдоль них пешеходными дорожками, и деревьями. Такое сравнение сразу же ставит вопрос: почему в «новом» посёлке проезды между домами не выглядят как улицы, и они явно даже не удобны, чтобы по ним прогуливались, на них находились? И далее: что о сознании жителей нового посёлка, переехавших в него из мегаполиса, говорит тот факт, что им достаточно узких проездов, а не полноценных улиц?

И замечают ли они сами эту странность своей повседневности?

2. От пространства к ландшафту

Один и тот же элемент пространства, например поле, выглядит совершенно по-разному для фермера, который всю жизнь провёл в посёлке неподалёку, геодезистов, которые изучают места будущей застройки, или археологов с раскопа прямо посреди этого поля. Путь даже они никогда не встретятся и не поговорят (обычно так и бывает). Их поведение, их действия по отношению к этому полю накладываются одно на другое, преобразуют его во времени, и так они между собой взаимодействуют. Фермер пасёт здесь скот, геодезисты расставляют вешки, готовя поле к «превращению» в пустырь на городской окраине, археологи создают его тщательную карту, дают ему своё название и требуют для него государственной охраны. От этих разнообразных предприятий остаются следы. И те, кто приходит на это поле, не могут не взаимодействовать со следами других. Они будут их стирать. Или стараться не замечать. Или пользоваться ими в своих целях. Они будут по ним ходить, обживать их. Простейший и всеобщий способ деятельности в обитаемом пространстве — это повседневная ходьба по своим делам [Серто, 2008]. Все мы натаптываем свои тропинки.

Всё это сложное многослойное движение жизни в географическом пространстве и превращает его в многослойный ландшафт. Гуманитарная география исследует, каким образом представители данного общества *распоряжаются своей свободой* и достигают своих целей в конкретных, географически обусловленных «предлагаемых обстоятельствах» (этот термин из учения Станиславского о театральной игре здесь вполне уместен). Пространственные наблюдения дают совершенно особый материал, чтобы размышлять о классической проблеме соотношения свободы и необходимости.

«Культурный ландшафт» — это исторический возникающий результат такой встречи «культуры» с географической средой. По определению Владимира Каганского, **«культурный ландшафт»** — земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей, если это пространство одновременно цельно и структурировано, содержит природные и культурные компоненты, освоено утилитарно, семантически и символически» [Каганский, 2009]. Итак, главное свойство культурного ландшафта: его можно мысленно «разобрать» на составляющие части. Сделать реверсивный инжиниринг местной культуры.

Чтобы сделать выводы об устройстве нашего мышления, нужно суметь прочитать наш же культурный ландшафт. Гуманитарная география учит *читать* пространства и ландшафты. Слово «читать» как будто означает: относиться к сделанному другими и увиденному — как к написанному.

3. Читать ландшафт?

В очень широком смысле слова гуманитарной географией занимаются все, кто думает об особенностях обитаемого людьми пространства, кто путешествует по нему и анализирует рассказы других об их путешествиях. Но как научная дисциплина она требует специальной подготовки: умения и привычки путешествовать и при этом «читать» поверхность земли, знания истории, навыков работы с географическими описаниями.

Оказавшись *на* новой местности, мы прежде всего должны сориентироваться. Для этого мы читаем на ней знаки присутствия и жизни других. Границы населённых пунктов проходят по несуществующим уже дорогам или древним крепостным валам. Местные мифы наслаиваются один на другой, так что фольклор иногда уже и не отличить от успешного творчества краеведов-энтузиастов [Митин, 2004]. Местные жители почитают места памяти, возникшие в неожиданных локациях и на «посторонний взгляд» — не вполне объяснимым образом, причём они мирно сосуществуют, хотя и символизируют противостоящие вроде бы политические силы [Генисаретский и др., 2010]. Часть города процветает, а часть города вымирает, выдавая признаки былого процветания. Фиксация этих наблюдений создаёт текст. Но разве сориентироваться на местности, где мы оказались, не означает её прочитать? Увидеть как совокупность знаков, символов, которые что-то нам «говорят»?

Так называемые «повороты» в гуманитарном знании XX в., кроме прочего, сформировали традицию использования понятия «текст» как универсальной онтологической категории. Культурный ландшафт можно назвать текстом в силу того, что при его наблюдении во время путешествия производятся интерпретативные операции, аналогичные производимым при внимательном чтении (с многократными возвращениями к прочитанному, подчёркиваниями и т. д.), т. е. при перемещении внутри обычного текста (а чтение — это перемещение). Поэтому в гуманитарной географии можно говорить о чтении ландшафта и, соответственно, о **«герменевтике культурного ландшафта»**.

Совместная деятельность по целенаправленному преобразованию пространства (чистого пространства) в культурный ландшафт развёртывается во времени и поэтому требует специальных средств рациональной рефлексии. В итоге, «есте-

ственный» результат такой рефлексии — это текст. Конечно. Но также и схема, график, карта. И в первую очередь, карта. Гуманитарный географ рисует и свои карты, планы, схемы. Их рисование становится частью рабочих навыков. Но всё-таки скорее именно *описания* (рефлексивные, прикладные, теоретические) в первую очередь становятся специальным предметом анализа и постоянного (само)совершенствования для гуманитарной географии. Она больше работает со словами, чем с цифрами и с рисунками.

Конечно, пространство — это всё-таки не текст. Оно *лишь только* похоже на текст, когда мы осматриваем, просматриваем, пронзаем его, затем описываем. Если в путешествиях применяются навыки герменевтики, сама идея «чтения» текста — это особый гуманитарный соблазн. С ней надо бы поосторожнее.

Можно полагать «гуманитарную географию» анализом географических образов. Очевидно, что она «гуманитарна» именно потому, что образам (*репрезентациям*) пространства в ней принадлежит совершенно особая роль. Так, в подходе известного гуманитарного географа Дмитрия Замятина, она исследует «способы представления и интерпретации земных пространств в человеческой деятельности, включая мысленную (ментальную) деятельность [Замятин, 2010: 26] во взаимосвязи с другими географическими науками. Для этого создаются специальные «образно-географические» карты [там же: 30].

Для работы с такими картами можно даже и не путешествовать. Более того, предположу, для исследования репрезентаций телесные перемещения в пространстве даже не полезны, они мешают¹. Однако *при таком «кабинетном» исследовании пространства остаётся как бы в небрежении сама местность*. Там, куда впечатались повседневные человеческие дела, превратив её в культурный ландшафт. Повседневность всегда «бежит» описаний. Поэтому нужно увидеть её своими — и подготовленными глазами. В повседневности есть некая плотность, «материальность», требующая непосредственного телесного действия по отношению к себе.

4. «Особый жанр жизни в ландшафте» — путешествие

Чтобы узнать местность и её людей, нужно *осознанное* наблюдение — вплоть до *включённого* наблюдения (в некоторых ситуациях). Исследование обитаемого пространства требует наблюдения за самим пространством изнутри него. Поэтому главным профессиональным занятием гуманитарного географа является *путешествие*.

Мы уже привыкли смотреть на пространство так, как его нам показывают плоские экраны цифровых устройств. Но что можно так увидеть? Немного. Мы видим на экране то, что нам показывают те, кто держит камеру. К тому же мы не чувствуем, не слышим гул скрытой лесом автострады и негромкие разговоры в очереди в кассу междугороднего автобуса. Путешественник сам выбирает, на что смотреть. Он или она знает, как смотреть, и поэтому может увидеть, услышать, узнать намного больше, чем любой другой приезжий. И больше, чем местный житель, которому уже «всё это примелькалось». Путешественник стремится понять людей, рассматривая их жизнь в пространстве. Это можно сделать, только лично оказавшись «там».

«Путешествие — не пассивное отражение мест: перемещение исключительно ради поглощения или порождения потока образов — не путешествие, как и туризм. Собственно путешествия — лишь один из многих типов перемещений, однако оно семантически и культурно выделено. Путешествия необратимы (и лично

¹ Не случайно знаменитый антрополог Клод Леви-Стросс начинает свою автобиографию так: «терпеть не могу путешествия и путешественников» [Леви-Стросс, 1999: 7]. Он хотел работать, а не «путешествовать», постоянно отвлекаясь от дела.

и когнитивно), безвозвратны, невозпроизводимы, полионтичны (полиреальны), полимасштабны, открыты» [Каганский, 2018: 33].

В отличие от туриста или обычного путешественника в широком смысле слова, который «просто так» вертит головой вокруг, гуманитарный географ прицельно рассматривает: как люди обустривают пространство вокруг себя. То есть вникает в **культурный ландшафт**. В. Л. Каганский пишет: «Ландшафт столь нелинеен и многоуровнен, что есть особые практики расчленения и линеаризации ландшафтных многообразий, конструирования систем несовпадающих траекторий прохождения последовательностей мест как смысловых элементов. Этому отвечает особый жанр жизни в ландшафте и воспроизведения художественных впечатлений — путешествие» [Каганский, 1998].

У гуманитарных путешествий есть своя техника, а в ней — множество лайфхаков. Чем же путешественник отличается туриста? Целью и рефлексией. Неэскапизмом. Екатерина Шапинская описывает историю и традицию «путешествий на Восток» западных людей как форму сообразных находок ими «там» именно того, что они и искали: «восточность». Так много кто ездит, особенно теперь. «Вначале человек знакомится с возможными путями своего туристического путешествия, получает визуальное представление о тех местах, где он хочет провести очередной отпуск, и только проведя сравнительный анализ привлекательности этих мест и стоимости поездки, отправляется за впечатлениями и удовольствиями, каждое из которых занесено в прейскурант услуг. Таким образом, туристическое путешествие становится не открытием новых мест, а подтверждением заранее запланированного удовольствия» [Шапинская, 2011: 90]. Будем называть такие путешествия просто «**поездками**». Их цель формируется сочетанием ценностей эскапизма, эстетизма и гедонизма. Иногда такие поездки покрывают большие пространства, становятся продолжительными и очень важны для самообразования. Однако они содержательно противоположны путешествиям в смысле гуманитарной географии, — путешествиям теоретика [Каганский, 2018]. Сказанное отнесу и к спортивным туристическим походам, хотя и сам люблю их.

5. О пользе категории «деятельность»

Оказавшись там, где живут люди, — мы имеем дело с материальными (пространственными) выражениями **совместной деятельности** представителей данной культуры. Поэтому, чтобы построить онтологию гуманитарной географии, нужно пользоваться категорией деятельности.

Если «гуманитарная география» принципиально и отличается по предмету от «социальной» и «человеческой» географии [Гладкий, 2014: 163], то именно вниманием к повседневной деятельности. К её структуре, нормам и культурным смыслам. Не наблюдаемые «напрямую», они реконструируются из культурного ландшафта.

Эту деятельность в пространстве организует **власть**, распределённая по разным уровням принятия и реализации решений. Об эффективности власти географ постфактум делает выводы, исследуя пространство. Часто эти выводы нетриумфальны.

В русском языке «деятельность» в течение долгого времени была важнейшей философской и научной категорией, и поэтому была подробно разработана. Теперь русскоязычные исследователи и путешественники благодаря этому имеют в своём распоряжении мощную исследовательскую оптику «деятельностного подхода».

Гуманитарная география, пожалуй, сходна с более известной даже самим гуманитариям «критической географией»². Та возникла, когда оказалось, что исследовать

² Т. е. *critical geography* — русскоязычная Википедия её переводит как «радикальную географию». Федор Корандей отмечает: «язык, на котором сегодня принято писать о пространстве, пропитан [Анри] Лефевром» [Корандей, 2016]. Критическая география формиру-

закономерности распределения людей в пространстве необходимо, чтобы понять отношения власти, неравенство и возникающие в силу неравенства конфликты. Она огромное внимание уделяет именно политическому аспекту происходящего с людьми в пространстве. Она исследует эффекты, которые вызывают действия власти в населённом людьми пространстве. Например, как именно государственные программы переселений³ влияют на качество жизни [Rogers, Wilmsen, 2020], когда множество людей вынуждены менять свой образ и стиль жизни, буквально пересоздавать себя самих, будучи спешно перемещаемыми из одного района города в другой или вовсе в пригород.

Современная российская гуманитарная география внимательна к оставленным в пространстве властью следам. И часто тоже относится к ним очень критически. Однако можно заметить, что она гораздо менее политизирована. Возможно, потому что в России она исторически формировалась вне какой-либо открытой политической борьбы. Она стремится к рациональному пониманию, но не к экспертному обоснованию политического действия.

6. Ещё об определении «путешествия»

Путешествие обладает для интеллектуала особой привлекательностью интеллектуального приключения. Конечно, самое простое путешествие это внимательная ходьба [де Серто, 2008]. Однако для определения «путешествия» как метода важен один аспект.

«Путешествие» подразумевает перемещение исследователя-путешественника «к» людям, ведущим повседневную жизнь с повседневными практиками, которые он в прямом смысле слова «застаёт» за ними. «Местные» — не путешествуют. Они действуют в сравнительно неизменной пространственно-временной ситуации. Путешественник целенаправленно меняет окружение, попадает туда, где он относительно «чужой», поэтому готов воспринять всё замеченное «там» как новое, особое, необычное.

Для мышления путешественника поэтому принципиально характерна исходная «перемещённость», «не-здешность». Путешественник противопоставлен «местным», которых он встречает по пути. Это принципиальное условие отличает путешествие от социологического исследования с помощью «мобильных методов». Например таких, как «интервью в движении», проводимое в совместной поездке исследователя и интервьюируемого [Глазков, Стрельникова, 2015: 80—81]. И поэтому путешествие — это не только внимательная ходьба. Это ходьба (вообще, передвижение) — на расстоянии от обычного и привычного.

Опыт путешествий относится, возможно, лишь к немногому в современности, что невозможно воспроизвести цифровой симуляцией. Путешественник не может не путешествовать в физическом пространстве со всей его твёрдой, т. е. не предсказуемой, часто неприятной, даже угрожающей, материальностью. *Путешествие — торжество эмпиризма.* «Путешествие — включённое постижение культурного ландшафта путём движения от места к месту. Мы двигаемся, наблюдая, чувствуя и мысля ландшафт непрерывно. В каждом новом месте в рамках видения (не только визуального) попадают все новые ландшафты, в каждом месте меняется круг тех мест, с которыми соотносится это место... Путешествие — включение в ландшафт, и значит — взаимодействие с ним» [Каганский, 2004].

ет восприятие пространства гуманитариями, даже и чуждыми непосредственно географии по роду своих основных интересов.

³ Например, московская городская программа «реновации».

7. Краевед как гуманитарный географ *par excellence*

Путешествие, хоть и вблизи от «своего» дома — это частое занятие краеведа. В России само слово «краевед» часто звучит уничижительно в речи профессиональных историков и географов. Но в данном случае эту его неблагоприятную репутацию можно позволить себе проигнорировать. Примем краеведение всерьёз как особую практику насыщения смыслами и значениями некоего сравнительно ограниченного ландшафта. В повседневности прошлых и современных жизней «здесь» краеведы и черпают детали, насыщающие их гуманитарно-географические образы. *Краевед стремится о своём месте (топосе) знать всё*. Поэтому интеллектуально всеяден и ко всему внимателен [Немцев, 2016].

В этой внимательности — «сильная сторона» краеведения. Краевед — «мифо-географ», он любит своё место (свою местность, свой город, свой родной «культурный ландшафт» и т. д.) и поэтому хочет увидеть его уникальность. Этого взыскует влюбленный взгляд, готовый обратить внимание на всё [Корандей, 2016]. Поэтому *краевед по своей интенции — мифогеограф*. Иногда — профессиональный.

Мифогеограф создаёт «место» в его уникальности, как палимпсест, в котором разными слоями написаны один на другом «здесьние», локальные проявления различных контекстов: «больших событий, мировых процессов и пр. — и политических, и социальных, и геологических и каких угодно ещё [Митин, 2004].

Из-за этой всеядности краеведение с большим трудом поддаётся дисциплинарной квалификации [Пирожков, 2014]. Как пишет Ирина Басалаева, «постсоветская гуманитаристика реабилитировала его в статусе научного знания, вновь введя в иерархию исторических субдисциплин» [Басалаева, 2011: 89]. Но могло ли быть что-то иное, если постсоветская гуманитаристика была совершенно отчуждена от географии как науки и как призвания? И не гуманитарная ли география вернёт географию краеведам, не претендуя на место, занятое историей, но дополняя её?..

Мы в России до сих пор плохо знаем, что такое краеведение. Тем более, — каким оно могло бы быть [Корандей, 2016; Зырянова, Пирожков, 2014]. Однако без гуманитарно-географических путешествий оно невозможно. Краеведу не обойтись без многократных путешествий по своему «месту».

Краеведы — мифогеографы — фактически занимаются гуманитарной географией по типу своей исследовательской деятельности. Хотя, как правило, без соответствующей теоретической рефлексии. Даже если они не рефлектируют методические принципы и цели того, что делают (увы, очень часто так и бывает), а всего лишь «читают» культурный ландшафт своей местности. Но в работе краеведа минимизирована эта конститутивная для путешествия *дистанцированность*. Ведь краевед тоже живёт «здесь». Поэтому чтобы увидеть в привычном важное, особое, чтобы написать интересный «текст», краеведу требуется специальная тренировка, оснащение себя теоретической рефлексией. Скажем, те, кто создаёт тематические экскурсии по своим родным городам [Бурбилова, 2018], раскрывая, как их прошлое и пространственные особенности влияют на особенности местной жизни, явно упражняются в гуманитарной географии.

Нужно переходить от мифогеографии к гуманитарной географии. Поэтому для любого краеведа крайне желателен систематический взгляд на самих себя как на на гуманитарных географов, точнее — как *путешествующих теоретиков*.

Библиографический список

- Басалаева И. П. Форматы постсоветского краеведения // Краеведение как феномен провинциальной культуры. Омск: Омск. гос. ист.-краевед. музей. 2011. С. 89—95.
- Бурбилова В. «Небаянистый» Новосибирск: необычная экскурсия по городу // Сибкрай.ру. 2018. URL: <https://sibkray.ru/news/1/915274/> (дата обращения: 02.03.2021).

- Генисаретский О. И., Немцев М. Ю., Сорокин В. Н. Пересечения пространств памяти // 60 параллель. 2010. № 1 (36). С. 80—87.
- Гладкий Ю. Н. Гуманитарная география: понятийный статус и институционализация // Гуманитарный вектор. 2014. № 2 (38). С. 158—164.
- Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010 Т. 9, № 3. С. 26—50.
- Зырянова Н. Б., Пирожков Г. П. Уровни краеведческого знания: краеогрфия и краеология // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 5. С. 318—320.
- Каганский В. Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2009. № 1. С. 62—70.
- Каганский В. Л. На пути к герменевтике ландшафта // Hermeneutics in Russia. 1998. № 1.
- Каганский В. Л. Путешественник // Русский журнал. 2004. URL: http://old.russ.ru/culture/20040813_kag.html (дата обращения: 02.03.2021).
- Каганский В. Л. Путешествия теоретика // География и туризм. 2018. № 1. С. 33—44.
- Корандей Ф. С. О любви к Родине // Гефтер.ру. 2016. URL: <http://gefter.ru/archive/18178> (дата обращения: 02.03.2021).
- Леви-Стросс К. Печальные тропики. Львов: Инициатива; М.: АСТ, 1999.
- Митин И. И. На пути к мифогеографии России: «игры с пространством» // Вестник Евразии. 2004. № 3. С. 140—161.
- Немцев М. Ю. Девять тезисов о краеведении // Гефтер.ру. 2016. URL: <http://gefter.ru/archive/19615> (дата обращения: 02.03.2021).
- Пирожков Г. П. Краеведение: к вопросу о междисциплинарных связях // Научный альманах. 2014. № 2 (2). С. 297—306.
- Серто М. де. По городу пешком / пер. А. Космарского // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7, № 2. С. 24—38.
- Шипинская Е. Н. Путешествие на Восток как бегство от повседневности: феномен туристического эскапизма // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4 (5). С. 136—155.
- Rogers S., Wilmsen B. Towards a critical geography of resettlement // Progress in Human Geography. 2020. Vol. 44, iss. 2, pp. 256—275.

References

- Basalaeva, I. P. (2011) Formaty postsovetskogo kraevedeniya [Formats of Post-Soviet kraevedenie], in: *Kraevedenie kak fenomen provincial'noj kul'tury* [Kraevedenie as a phenomenon of regional culture], Omsk: Omskij gosudarstvennyj istoriko-kraevedcheskij muzej, pp. 89—95.
- Burbilova, V. (2018) “Nebayanistyj” Novosibirsk: neobychnaya ekskursiya po gorodu [Novosibirsk without bluff: unusual sightseeing tour], *Sibkraj.ru*, available from <https://sibkraj.ru/news/1/915274/> (accessed 02.03.2021).
- Certeau, M. de (2008) Po gorodu peshkom [Walking through a City], transl. by A. Kosmarsky, *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological review], vol. 7, no. 2, pp. 24—38.
- Genisaretskij, O. I., Nemtsev, M. Yu., Sorokin, V. N. (2010) Peresecheniya prostranstv pamyati [Where memory spaces intersect], *60 Parallel'*, no. 1, pp. 80—87.
- Gladky, Yu. N. (2014) Gumanitarnaya geografiya: ponyatijnyj status i institucionalizaciya [Humanitarian geography: conceptual status and institutionalization], *Gumanitarnyj vector*, no. 2, pp. 158—164.
- Kaganskij, V. L. (1998) Na puti k germenевtike landshafta [Towards the Hermeneutics of Landscape], *Hermeneutics in Russia*, no. 1.
- Kaganskij, V. L. (2004) Puteshestvennik [The traveller], *Russkij zhurnal* [Russian journal], available from http://old.russ.ru/culture/20040813_kag.html (accessed 02.03.2021).
- Kaganskij, V. L. (2009) Kul'turnyj landshaft: osnovnye koncepcii v rossijskoj geografii [Cultural landscape: main concepts of Russian geography], *Observatoriya kul'tury: zhurnal-obozrenie* [Observatory of culture: Journal-review], no. 1, pp. 62—70.
- Kaganskij, V. L. (2018) Puteshestviya teoretika [The theoretician at travels], *Geografiya i turizm* [Geography and tourism], no. 1, pp. 33—44.

- Korandej, F. S. (2016) O lyubvi k Rodine [About Love for Motherland], *Gefter.ru*, available from <http://gefter.ru/archive/18178> (accessed 02.03.2021).
- Levi-Stross, K. (1999) *Pechal'nye tropiki*, L'vov: Iniciativa, Moscow: AST.
- Mitin, I. I. (2004) Na puti k mifogeografii Rossii: "igry s prostranstvom" [Towards mythogeography of Russia: "playing with the space"], *Vestnik Evrazii* [Acta Eurasica], no. 3, pp. 140—161.
- Nemtsev, M. Yu. (2016) Devyat' tezisov o kraevedenii [Nine statements about kraevedenie] *Gefter.ru*, available from <http://gefter.ru/archive/19615> (accessed 02.03.2021).
- Pirozhkov, G. P. (2014) Kraevedenie: k voprosu o mezhdisciplinarnykh svyazyakh [Kraevedenie: to the problem of interdisciplinary connections] *Nauchnyj al'manakh* [Scientific Almanach], no. 2 (2), pp. 297—306.
- Rogers, S., Wilmsen, B. (2020) Towards a critical geography of resettlement, *Progress in Human Geography*, vol. 44, iss. 2, pp. 256—275.
- Shapinskaya, E. N. (2011) Puteshestvie na Vostok kak begstvo ot povsednevnosti: fenomen turistskogo èskapizma [The Oriental Journey as an Escape from Everyday Life: the Phenomenon of Tourist Escapism], *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury* [International journal of cultural research], no. 4 (5), pp. 136—155.
- Zamyatin, D. N. (2010) Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo, voobrazhenie i vzaimodejstvie sovremennykh gumanitarnykh nauk [Humanitarian geography: space, imagination and interaction of humanitarian sciences], *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological review], vol. 9, no. 3, pp. 26—50.
- Zyryanova, N. B., Pirozhkov, G. P. (2014) Urovni kraevedcheskogo znaniya: kraeografiya i kraeologiya [Levels of Knowledge in Kraevedenie: Kraeography and Kraeology], *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Current problems of humanitarian and natural sciences], no. 5, pp. 318—320.